Е.В. Торопова, Д.В. Пежемский, С.Е. Торопов, К.Г. Самойлов

Археологические исследования у церкви Св. Георгия в Старой Руссе в 2006 году.

В 2006 году Старорусской археологической экспедицией НовГУ им. Ярослава Мудрого были проведены археологические исследования у церкви Св. Георгия в Старой Руссе. Работы были связаны с проектом восстановления колокольни 1880-х годов постройки, разобранной на нужды коммунального хозяйства в 1951 г. Финансирование исследований осуществлялось заказчиком, ЗАО «Межрегиональное научно-реставрационное проектное объединение» (г. Москва).

К моменту начала работ никаких архивных документов, относящихся к проекту сооружения колокольни в архивах выявлено не было, что придавало исследованию остатков здания особое значение. Обмеры фундаментов и фотоиллюстративный материал конца XIX – первой половины XX веков можно считать единственными источниками для восстановления внешнего облика сооружения[1].

Исходя из имеющихся данных, раскоп, получивший наименование "Георгиевский-II", был заложен к западу от храма, в 7-9 м от стены западного притвора (*рис. 1*). Раскоп ориентирован по линии север-юг с отклонением 10° к западу. Его первоначальные размеры (10х12 м) были определены заказчиком на основании исторической справки, подготовленной В. А. Ядрышниковым. В ходе работ выяснилось, что реальные размеры остатков фундаментов колокольни существенно больше предполагавшихся первоначально. В связи с этим, площадь раскопа была расширена в западном и северном направлении в соответствии с истинными габаритами постройки и учетом необходимости устройства технологических траншей для укрепления фундамента по периметру (с внешних сторон), и сокращена с восточной. Таким образом, общая площадь раскопа составила 210 кв. м, что позволило полностью выявить искомые остатки сооружения и подготовить площадку для строительно-реставрационных работ.

Главные задачи исследований были сформулированы следующим образом: 1) поиск и археологическая фиксация фундаментов колокольни; 2) изучение культурных напластований на данном участке, даже если они находятся в полностью переотложенном состоянии.

В результате, обе задачи удалось решить полностью, более того, выяснилось, что на участках раскопа, непотревоженных в ходе строительства колокольни (например, между рвами фундамента), культурные напластования имеют хорошую сохранность.

За временный репер был взят юго-западный угол бетонной плиты, расположенной к

северо-западу от Георгиевского храма, который, в свою очередь, был привязан к реставрационному нулю церкви (репер раскопа находился на 151 см ниже реставрационного нуля).

Раскопки проводились согласно методике изучения культурного слоя древнерусских городов и архитектурно-археологических объектов. В то же время, сочетание архитектурно-археологических остатков и влажных культурных напластований, встретившееся в практике подобных исследований впервые, потребовало существенной модернизации и синтеза различных методических подходов.

Культурные напластования до глубины -160 см (уровень 1-8 пластов), представляющие собой перемешанные и нарушенные многочисленными перекопами слои конца XVIII – начала XXI веков, разбирались вручную с просмотром извлекаемого грунта.

Ниже отметки -160 см культурный слой снимался пластами (по 0,2 м) с одновременной графической и фотофиксацией вскрываемых сооружений и погребальных комплексов, описанием заполнения пластов, фиксацией индивидуальных находок и сбором массового материала. Часть культурных напластований была промыта под напором воды через металлические сита.

Фундаменты колокольни графически зафиксированы в плане, выполнены обмеры и фотофиксация их фасадов.

Камеральная обработка полученных материалов включала шифровку, зарисовку, сканирование и/или фотографическую фиксацию индивидуальных находок, ввод данных в компьютерную базу, первичную консервацию находок из дерева и реставрацию находок из черных и цветных металлов, кожи и текстиля. Керамическая, остеологическая и антропологическая коллекции, полученные в ходе исследований, в настоящее время находятся в стадии обработки.

Культурный слой вне фундамента колокольни был разобран до материка. Заполнение внутренних объемов между фундаментными лентами в северной (участок III) и южной (участок I) частях раскопа также было изучено полностью. В центре (участок II) разборка культурных слоев доведена до глубины 260 см, т.е. на 0,5 м ниже максимальной точки разрушения фундамента в юго-восточной его части. Остановка работ на центральном участке была вызвана опасностью обрушения нависающих рядов фундаментной валунной кладки, сохранившейся здесь достаточно высоко. Глубина, на которой были остановлены работы, достаточна для того, чтобы, при соответствующем техническом решении в проекте укрепления фундаментов, культурные напластования не были потревожены[2].

Максимальная мощность культурных напластований, изученных в пределах раскопа,

достигает 3,45 м. До начала работ, на исследуемом участке прослеживался значительный перепад уровня дневной поверхности в западном направлении (до 0,8 м). Однако, анализ стратиграфии показывает, что современная ситуация является, в первую очередь, результатом земляных работ нового и новейшего времени. В слоях древнее 1740-х годов (времени перестройки Георгиевского храма) он выражен слабо.

В целом культурные напластования можно условно разделить на два горизонта:

I горизонт - верхние перемешанные слои, связанные в основном с благоустройством данной территории в 1960–2000-е гг., разрушением колокольни в 1950-е гг., ее строительством в 1880-е гг., а также другими земляными работами нового времени Они представлены напластованиями темно-серого гумусированного слоя с большим количеством строительного мусора. Нижняя граница данного горизонта фактически совпадает с подошвой прослойки строительного мусора, датируемой капитальной перестройкой Георгиевского храма в 1740-е гг.

II горизонт составляли непотревоженные культурные напластования, представленные, главным образом, влажным темно-серым гумусированным слоем с некоторым содержанием органики, а также влажным темно-коричневым гумусированным слоем с примесями щепы, навоза, угля и т.п. Нижняя граница данного горизонта определялась залеганием предматериковых слоев. При разборке заполнения пластов были зафиксированы различные пятна и прослойки, связанные с повседневной хозяйственной деятельностью жителей древнего города, а также различные деревянные сооружения (остатки жилых и хозяйственных построек, изгороди, настил мостовой). Начиная с уровня пласта 15 в пределах раскопа зафиксирована часть средневекового городского некрополя, относящегося, вероятно к культовой постройке, существовавшей здесь до строительства каменного Георгиевского храма в 1410 г.

В ходе исследований производился отбор образцов древесины для дендрохронологического анализа и определения видового состава деревьев[3]. Всего было взято 48 спилов, принадлежащих как деталям различных построек, так и доскам гробовищ погребений средневекового некрополя. Видовой состав выборки представлен в основном образцами хвойных пород: елью и сосной, присутствует также дуб. В одном из погребений в качестве подкладок использованы ольховые жерди. Необходимо отметить наличие в выборке значительного процента очень молодого дерева. К периоду средневековья относятся 45 спилов, 20 из которых удалось датировать в пределах XIV в., главным образом его второй половины.

В процессе изучения культурного слоя на Георгиевском-II раскопе были зафиксированы остатки семнадцати разновременных построек и сооружений (*рис.2*). Пять из них отно-

сятся к новому времени (две «творильные ямы», фундамент колокольни 1880-х гг., валунный фундамент каменной ограды, деревянный колодец), а двенадцать – к эпохе средневековья (срубы ГР-1, ГР-2, ГР-3, ГР-4А, ГР-4, ГР-5, ГР-6, сооружение ГР-7, две линии частокола, деревянная мостовая, вымостка).

Стратиграфические данные и результаты дендрохронологического анализа позволили распределить их по 13 строительным ярусам.

К ярусу I, датируемому концом XIX - началом XX вв., отнесены обе творильные ямы. Их появление может быть связано с ремонтными работами и перестройкой Благовещенского придела Георгиевского храма в первое десятилетие XX века.

Ярус II (1880-е гг.) включает в себя фундаменты колокольни, занимавшие большую часть площади раскопа. В плане они представляли собой прямоугольник размерами 8,3/8,4х13,3/13,4 м, образованный четырьмя лентами шириной от 1,4 до 2,0 м, с двумя поперечными перемычками – дополнительными лентами шириной 1,5-1,7 м. Внутреннее пространство фундаментов несколько асимметрично – боковые участки имеют размеры 1,3х4,4 м (северный) и 1,6х4,4 м (южный), центральный участок подпрямоугольной формы (3,6х4,5 м) с расклепованными углами – куда, вероятно, простирались угловые части мощных опорных конструкций (столбов?). В толще западной ленты фундамента обнаружена обратная разгрузочная арка, сложенная из кирпича. Остатки такой же арки, разобранной почти на 2/3, расчищены в восточной ленте фундамента.

При разборке в начале 1950-х гг. фундаменты колокольни пострадали очень серьёзно. Местами они оказались разрушены более чем на половину высоты. Максимальные разрушения зафиксированы в юго-восточной части.

Во время строительства колокольни фундаментные рвы были выкопаны недостаточно ровно. Контуры лент волнистые, стенки траншей не были вертикальными, а сужались к низу (ров становился уже на 30-50 см), из-за чего фундаментная кладка получилась клиновидной в сечении. Подошва фундаментов покоится на деревянных конструкциях (лагах на подкладках), впущенных в предматериковые и материковые слои.

Кладка выполнена из валунов разного размера на трех видах растворов - розоватый известково-песчаный с фрагментами непромешанной извести (основной), коричневатый известково-глиняный, также с фрагментами непромешанной извести и очень плотный серый раствор, вероятно, на основе цемента с добавлением шлака или угля. Последние два раствора встречаются очень редко. Основной раствор имеет очень низкие качественные показатели, он крайне тощий, визуально песок в нем преобладает, раствор легко разминается рукой. В целом, по характеру кладки и растворам постройка выглядит как сооруженная единовремен-

но.

К ярусу III, датируемому в пределах XIX в., отнесено валунное основание церковной ограды, существовавшей до строительства колокольни. Конструкция ограды в виде каменных столбов и ажурной металлической решётки зафиксирована на фотоснимках 70-х годов XIX в.

К немного более раннему периоду относится, видимо, сруб колодца, включённого в состав яруса IV. Западная стена и верхние венцы колодца разрушены в ходе земляных работ по устройству церковной ограды и при возведении колокольни в 1880-е гг.

Сруб ГР-1 и остатки настила (?) отнесены к нижележащему ярусу V. Очень плохая сохранность дерева не позволяет охарактеризовать особенности постройки. Зафиксированные следы южной и восточной стен сруба перерезаны фундаментными рвами. Сооружение ориентировано меридионально, с отклонением к ССЗ. Сравнение нивелировочных отметок деревянных остатков сруба, с отметками прослойки строительного мусора 1740 г., позволяет в порядке рабочей гипотезы предположить, что сооружение, датируется временем ранее первой половины XVIII в.

Строительные ярусы VI - VIII (первая половина XV в.) представлены остатками сруба ГР-4А и тремя горизонтами мостовой, открытой в юго-западной части раскопа. Плохая сохранность дерева делает невозможным дендрохронологическое датирование сооружений. Однако, исходя из стратиграфических и планиграфических соображений, а также, основываясь на дендродате отдельно лежащего фрагмента бревна частокола, имеющего приблизительно те же нивелировочные отметки (спил ГРС-1 (1400 г.)), все три яруса предварительно суммарно датируются первой половиной XV в. Попутно заметим, что эта дата не противоречит датировке свинцовой вислой печати княжеского тиуна Елозария Илинарховича, обнаруженной в заполнении пространства между плахами настила мостовой.

В состав яруса IX (рубеж XIV-XV вв.) включены срубы ГР-2, ГР-3 и линия частокола, отделяющая усадебную застройку от территории средневекового кладбища. С этим же ярусом можно связывать мощную прослойку серо-голубого суглинка, зафиксированную в 12-14 пластах в восточной части раскопа. Вероятно, прослойка появилась как результат нивелировочных работ, проведённых с целью ликвидации последствий пожара, в котором погибли сооружения более раннего яруса. Основанием для её датировки рубежом XIV-XV вв., может служить младшая дендродата составного гробовища погребения № 12 (1391 г.), могильная яма которого прорезала прослойку.

Остатки постройки ГР-2 были открыты в северо-западной части раскопа. В его пределы попали два обгоревших венца южной стены сруба (длиной более 5 м), а также часть венца

восточной стены. Сопоставление стратиграфической ситуации и данных дендрохронологического анализа позволяет предположить, что постройка существовала на протяжении достаточно длительного периода. Будучи сооружённой ориентировочно в 1372-1373 гг. (ярус XI), она на рубеже XIV-XV вв. пострадала в пожаре (ярус X). Об этом свидетельствуют следы горения на венце южной стены сруба, а также линза угля, перекрывающая суглинистое заполнение нижних венцов. После этого были проведены ремонтные работы, в результате которых в состав восточной стены сруба попадает бревно, срубленное в 1391 г. Окончательно сооружение гибнет в период бытования яруса IX в новом пожаре.

От сруба ГР-3 сохранились только отпечатки северной и восточной стен в прослойке серо-голубого суглинка, охарактеризованного выше.

Весьма важным представляется открытие остатков линии частокола, отделяющей жилую зону (к западу от частокола) от территории некрополя (в центральной и восточной частях раскопа). Существование чёткой границы подтверждается стратиграфической ситуацией, а также спецификой формирования и составом культурного слоя по разные стороны ограждения. Линия частокола, ориентированная по линии север-юг с небольшим отклонением к северо-северо-западу, была зафиксирована в юго-восточной части раскопа, за пределами фундамента колокольни, а также в пространстве между его лентами. Можно предполагать, что она выполняла функции средневековой кладбищенской ограды, которая неоднократно ремонтировалась и, видимо, не меняла своего положения в течении всего периода существования некрополя. В составе частокола, во вторичном использовании зафиксированы детали сооружений из более ранних ярусов, в частности обугленные брёвна с дендродатами 1381 и 1385 гг. и обрубок бревна - 1315 г.

Погибший в пожаре ярус X, датируемый 80-ми гг. XIV в., помимо описанных выше сруба ГР-2 и линии частокола, включал в себя постройку ГР-5, открытую в центральной части раскопа под слоем серо-голубого суглинка. От неё сохранился развал обгоревших брёвен и детали опечка. Дендродата одного из брёвен - 1388 г.

К ярусу XI отнесён сруб ГР-4, остатки которого были расчищены в западной части раскопа. Удалось зафиксировать два венца северной, западной и три венца южной стен, а также подкладки под них. Восточная часть сооружения уничтожена фундаментными рвами колокольни. Наиболее вероятной датой появления постройки по данным дендрохронологического анализа можно считать 1373 г. Примерно тогда же возводится и сруб ГР-2, также включённый в состав данного яруса. Помимо следов частокола ограды кладбища, к этому же строительному горизонту отнесена ещё одна частокольная линия, располагавшаяся параллельно северному фасаду постройки ГР-4. К сожалению, восточная часть линии разрушена

фундаментными рвами. Общая датировка яруса - 1370-е гг., предпочтительно 1372-73 гг.

Ярус XII, предположительно датируемый второй третью XIV в., представлен срубом ГР-6, от которого сохранился развал опечка, зафиксированный в северо-западной части раскопа, и оградой кладбища на раннем этапе её существования. Дендродаты обоих столбов опечка единогласно указывают на 1333 г., однако, стратиграфическая позиция данного сооружения и возможное вторичное использование данных фрагментов бревен, заставляют более осторожно датировать постройку второй третью XIV в.

Самый ранний из выделенных, строительный ярус XIII, относится к периоду, предшествовавшему появлению некрополя. С этим ярусом предположительно связано сооружение ГР-7, открытое в юго-восточной части раскопа. Сохранились остатки печи в виде частично разрушенного погребениями массива печного слоя и две доски.

В составе печного слоя обнаружен практически полный скелет кошки, вероятно, погибшей вместе с постройкой, которой принадлежала печь. Сооружение ГР-7, видимо, можно считать древнейшим из всех выявленных на раскопе.

После разборки культурных напластований на поверхности материка были зафиксированы отпечатки изгородей и следы древней пахоты. Скорее всего, эта территория в период, предшествовавший застройке, использовалась в качестве пахотных угодий.

В ходе работ на Георгиевском-II раскопе был исследован участок средневекового городского некрополя (*рис. 2*), поврежденного при устройстве фундаментных рвов колокольни 1880-х гг. Обнаружение средневекового кладбища на данном участке городской территории было до некоторой степени неожиданным. В письменных источниках отсутствуют какие-либо свидетельства о Георгиевском храме ранее 1410 г. Немаловажно и то, что исследованная площадь лежит в западном секторе церковного участка, крайне редко использовавшегося в традиционной погребальной практике для устройства погребений.

Сам факт наличия некрополя предшествующего возведению храма 1410 г., позволяет сделать следующие выводы:

- на данном участке древней Русы и до 1410 г. существовал храм, вероятно деревянный, возможно посвященный Благовещению Пресвятой Богородицы (в соответствии с посвящением главного придела Георгиевской церкви, значение которого в некоторые исторические периоды затмевало сам храм);

- местоположение кладбища, возможно, указывает на то, что более ранний храм стоял на ином месте данного участка, то есть на то, что каменный храм 1410 г. построен с некоторым смещением.

В составе некрополя зафиксировано 29 отдельных погребений разной степени со-

хранности. Погребения выявлены на всех участках раскопа, за исключением западной линии квадратов, занятой остатками сооружений, видимо существовавших одновременно с кладбищем. Именно в этой зоне, в 13-16 пластах, зафиксирована охарактеризованная выше чёткая стратиграфическая граница между кладбищем и жилой застройкой, маркированная линией частокола. Распределение погребений по раскопу имеет нерегулярный характер. Наибольшая их концентрация выявлена по южной линии квадратов, между лентами фундамента в южной части и в южном секторе восточной линии. В пределах северной линии квадратов и между лентами фундамента в северной части раскопа погребения концентрируются очень разреженно – здесь их всего 5. При подробном рассмотрении плана кладбища можно увидеть, что погребения образуют некоторое подобие скоплений, возможно, составляющих отдельные семейные группы.

Характерной чертой некрополя является большое количество переотложенных целых черепов и крупных костей скелета. Переотложенные кости – это результат переработки кладбищем самого себя, обычное явление для тех из них, что существуют достаточно длительное время. Как правило, кости и черепа обнаруживаются во фрагментах, обнаружение целых черепов – достаточно редкое явление. В данном случае мы имеем большое число переотложенных черепов идеальной сохранности, да и количество целых костей посткраниального скелета также может быть названо неординарным. Отсюда следует, что кладбище функционировало недолго, может быть на протяжении всего 1-2 поколений, и не успело разрушить самое себя. В некоторых случаях можно проследить, что переотложенные останки аккуратно помещены в «новые» могильные ямы и даже внутрь гробовищ.

Небезынтересно также проследить небольшие, но характерные отличия в ориентировке некоторых погребений. Большинство из них сориентировано головой на запад, строго совпадая с направлением линий раскопа, который разбит с некоторым отклонением к западу. При этом комплексы № 16, № 19, № 22 имеют четко выраженную иную ориентировку – они отклонены к северу, что гораздо ближе к истинной западной ориентировке, а № 11 (?), № 20 (?) и № 23 имеют сильное отклонение к югу. Можно предположить, что ориентировка погребений следует в данном случае за ориентировкой деревянного храма, которая менялась в ходе его перестроек или нового строительства после пожаров. Однако, нельзя исключить того, что большинство погребённых южного сектора сориентированы просто по частокольной ограде, отделяющей кладбище от дворовой территории.

Большая часть погребений была перекрыта прослойкой серо-голубого суглинка, связанной с нивелировочными работами рубежа XIV-XV вв. Исключение составляют погребения № 3, № 12 и № 24. Их могильные ямы перебивали указанную прослойку, что свидетель-

ствует о несколько более позднем времени совершения захоронений. Погребения в северной части раскопа, очевидно, относятся к периоду до возведения там сруба ГР-2 (ярус IX-XI), т.е. до 1370-х гг. В целом, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют с большой долей уверенности датировать исследованный участок кладбища второй половиной XIV в.

Специфика залегания погребений во влажном культурном слое проявилась в невозможности зафиксировать в большинстве случаев контуры могильных ям. С другой стороны, хорошая сохранность органических материалов позволила установить особенности погребального обряда, в частности, устройства внутримогильных конструкций, отличавшихся значительным разнообразием. Помимо комплексов без следов каких-либо гробовищ были зафиксированы следующие типы внутримогильных сооружений: дощатые гробы (2 погребения); колоды (цельно тёсаные гробовища) (4 погребения); цельно тёсаный гроб-колода с двускатной крышкой (погребение № 7); "рамочные" гробовища, составленные из отдельных досок (4 погребения); отдельная доска под останками без каких-либо дополнительных элементов (6 погребений). Для данного кладбища необходимо особо отметить элемент обряда, широко известный по другим древнерусским памятникам, – перекрывание покойника берестой.

Практически все погребения безынвентарные. Исключение составляет комплекс № 7, содержавший останки пожилой женщины, потревоженные ещё в древности. В районе черепа было обнаружено 44 нашивные бляшки (13 бантовидных, 14 ромбических прорезных и 17 полусферических) из сплава цветного металла, вероятно, относившиеся к несохранившемуся головному убору. В погребении № 8 зафиксированы находки поясного кольца и поясного крючка (?) из чёрного металла, а в изножной части гробовища погребения № 9 фрагмент стеклянной шарообразной черной с петлевидным декором бусины, стеклянная зонная голубая прозрачная бусина и фрагмент предмета из черного металла. Однако, нельзя исключать попадание этих предметов внутрь погребения из культурных напластований. В ряде комплексов обнаружены фрагменты кожаной обуви.

В ходе раскопок получена коллекция из 872 индивидуальных находок, изготовленных из различных материалов: древесины, бересты, кости, текстиля, кожи, черного и цветных металлов, янтаря, камня, глины, и пр. Особо необходимо отметить находку двух вислых свинцовых печатей (тиуна великого князя Елозария Илинарховича и Спасского монастыря в Русе)[4], двух фрагментов кожаной обложки книги, бронзовой книжной застёжки, обломка амфоры, литой иконки с изображением сюжета «Вход Господень в Иерусалим».

К наиболее представительной части коллекции относятся также украшения и предметы из сплавов цветных металлов: браслеты, перстни, привески, ажурный литой наконечник ножен, миниатюрный топорик. Другая группа украшений представлена стеклянными, янтар-

ными и сердоликовыми бусами, фрагментами стеклянных браслетов и перстнем.

Христианские древности, помимо упомянутой литой иконки, представлены янтарными и каменными нательными крестами. Значительные количество предметов из камня связано с различной хозяйственной и ремесленной деятельностью – это грузила, жернова, пряслица, литейная форма. Среди костяных изделий – гребни, рукояти ножей, накладки. Деревянные предметы представлены домашней утварью, санным полозом, счетной биркой. Из других находок можно отметить раковину каури.

Значительную часть коллекции Георгиевского II раскопа (традиционно для Старой Руссы) составляют предметы, связанные с солеваренным промыслом – заклепки и фрагменты ценов (противней для выпаривания соли). Они составляют около 23 % от общего количества находок (199 ед.). Следует отметить также значительное число обломков ножей (35 ед.).

Среди изделий из кожи большое количество фрагментов и деталей кожаной обуви (147 ед.), что составляет 17 % от общего количества находок.

Помимо предметов, относящихся к эпохе средневековья, в коллекции выделяется значительное число кремнёвых орудий и отщепов (45 ед.). Орудия изготовлены из галечного сырья хорошего качества. Они имеют особенности, затрудняющие возможности датирования: это сильная забитость и излишняя ретушированность поверхности. Первый из возможных вариантов интерпретации – перед нами неолитические орудия, попавшие в слой средневекового города после нивелировки поверхности холма, перед строительством храма Св. Вмч Георгия. Однако отсутствие в слое характерной неолитической керамики, технология производства и излишняя ретушированность данных предметов, позволяет выдвинуть еще одну гипотезу и отнести их к эпохе раннего металла[5].

В целом, на основании общих стратиграфических наблюдений, анализа вещевой коллекции, данных дендрохронологии культурные напластования , изученные на Георгиевском-II раскопе, датируются XII-XX вв. Полученные в ходе исследований результаты позволили значительно расширить наши представления о характере застройки, древней топографии, облике материальной и духовной культуры средневековой Русы.

---

1 Изложение истории строительства и позднейших перестроек ансамбля церкви Георгия Великомученика с наружным приделом Благовещения Богородицы приводится в исторической справке, подготовленной В.А. Ядрышниковым (См.: Ядрышников В.А. Церковь Георгия Великомученика с приделом Благовещения Богородицы в Старой Руссе: История. Архитектура. Реставрация. Историческая справка. – Великий Новгород, 2006.)

2 В настоящее время рассматривается возможность доисследования и музеефикации этого участка в рамках проекта восстановления колокольни.

3 Дендрохронологическое исследование образцов проведено в лаборатории дендрохронологии Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника старшим научным сотрудником О.А. Тарабардиной. Видовой состав древесины определялся О.А. Тарабардиной в Лаборатории дендрохронологии ЦОАИ НГОМЗ и сотрудником УНЛ «СтРАЭ» НовГУ П.П. Колосницыным. Авторы выражают признательность за консультации и содействие руководителю Лаборатории консервации и реставрации мокрого археологического дерева НГОМЗ Э.К. Кубло и сотруднику этой же лаборатории Л.В. Кокуца.

4 Искренне благодарим П.Г. Гайдукова, В.Л. Янина и А.Е. Мусина за помощь в атрибуции печатей.

5 Приносим искреннюю благодарность А.И. Мурашкину, аспиранту кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, за консультации и помощь, оказанную при атрибуции данных предметов.

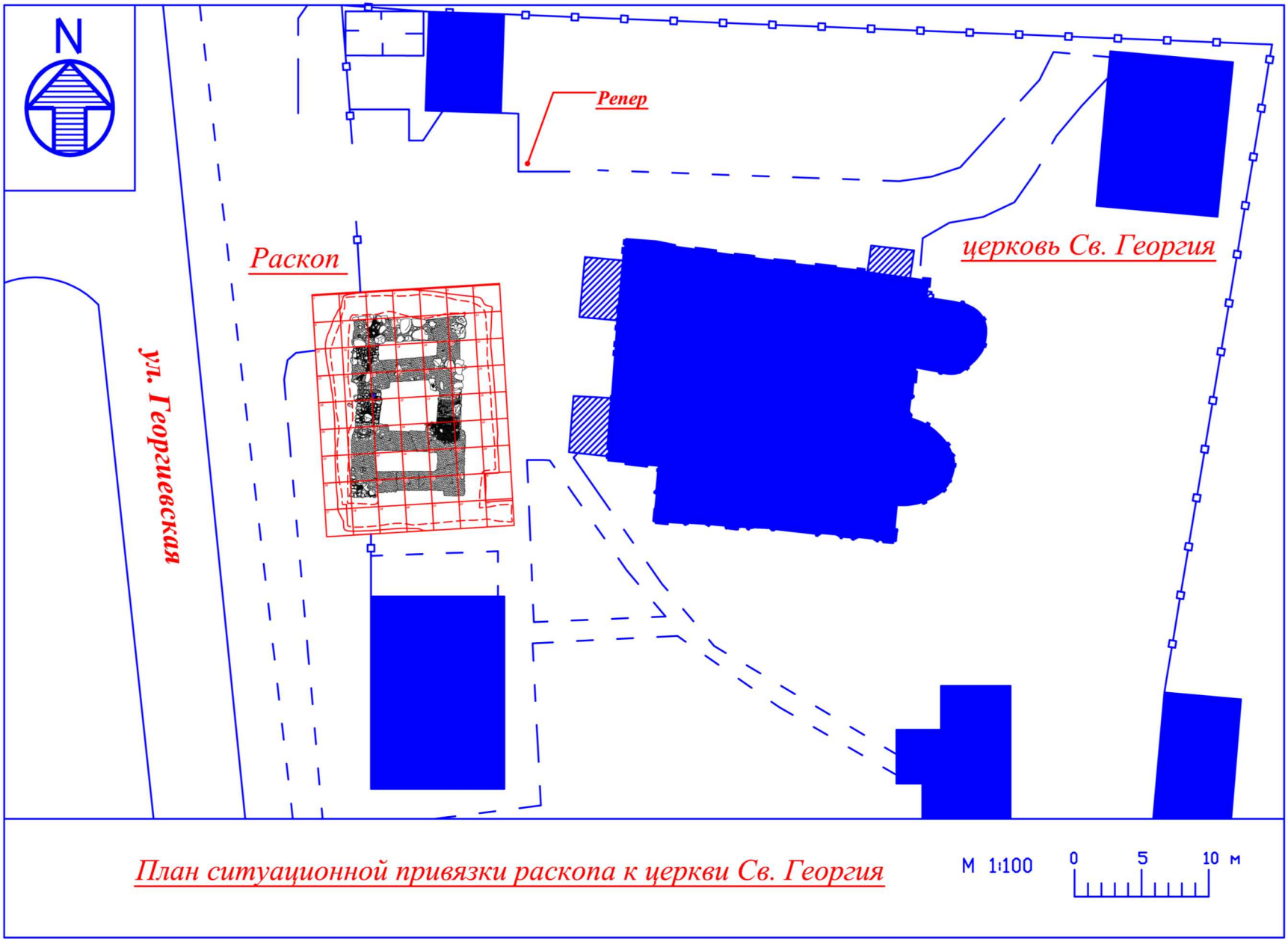

N
Репер
Раскоп
церковь Св. Георгия
ул. Георгиевская
План ситуационной привязки раскопа к церкви Св. Георгия
М 1:100
0
5
10 м

Рис. 1.

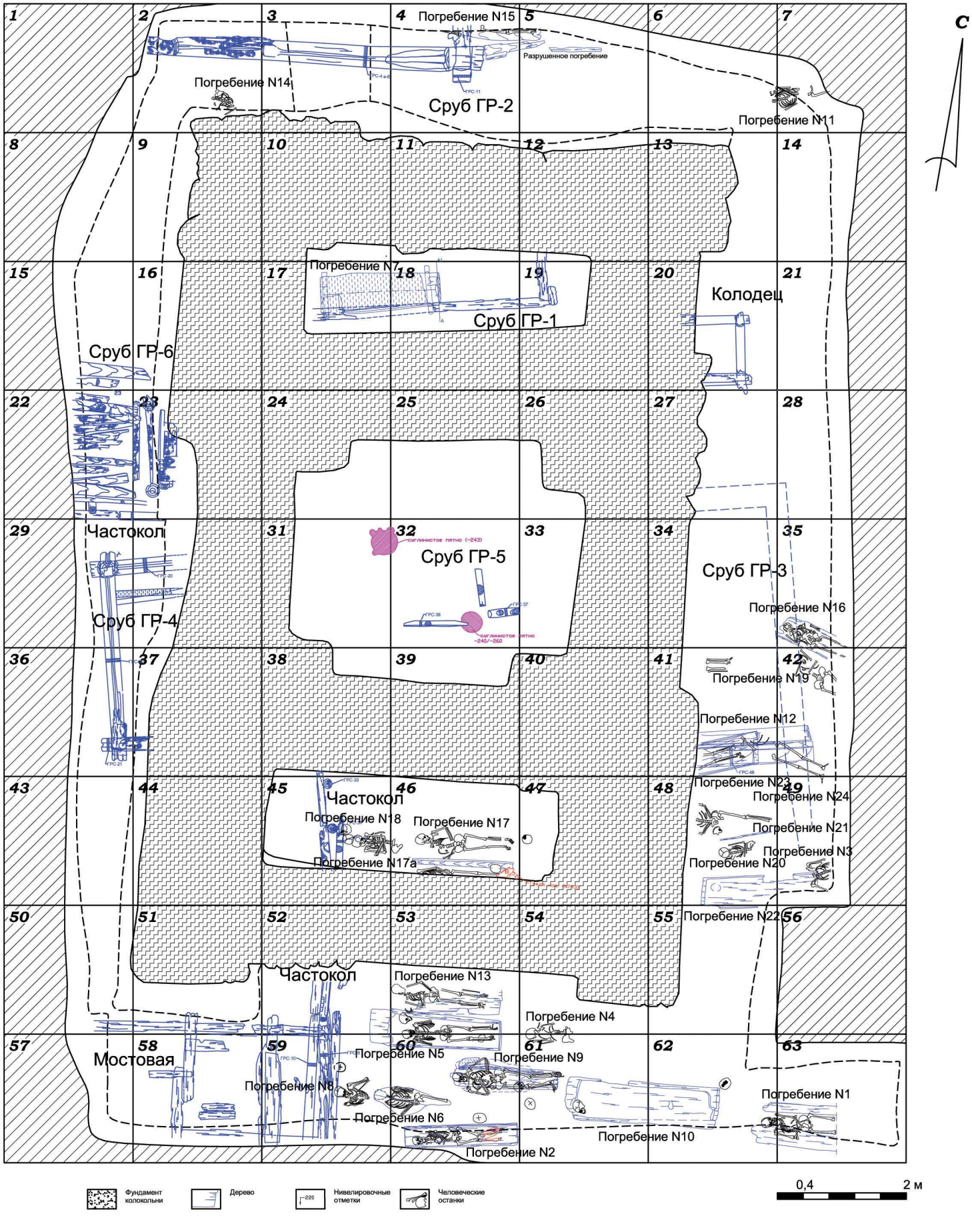

Рис. 2. Сводный план сооружений и погребений, открытых на Георгиевском-II раскопе.